

Над бесконечной грядой туч забрезжил рассвет, заливая мир ярким золотом.

Нин Лань нашла Гу Фэя на небольшом склоне, сплошь усыпанном цветами айлань. Раньше он часто приходил сюда вместе с Цзян Жуцзином, чтобы практиковаться. Здесь он и просидел последние два дня, не двигаясь с места.

Девушка обошла множество мест, прежде чем наткнулась на него. Она запыхалась от долгого бега и поначалу хотела, как обычно, бесцеремонно выругать его, но, увидев этот одинокий, застывший силуэт, внезапно смягчилась.

Она знала: Цзян Жуцзина увезли, словно военный трофей. В тот день, когда эти двое схлестнулись, она наблюдала за ними издалека, тщетно надеясь улучшить момент и помочь.

Гу Фэю сейчас, должно быть, невыносимо горько. Эта мысль мешала ей заговорить.

Прошло немало времени. Сверившись с часами, Нин Лань подошла ближе и тихо произнесла:

— До отхода корабля осталось два часа.

Гу Фэй сидел неподвижно, будто впав в оцепенение. Нин Лань замерла у него за спиной и простояла так целый час. Солнце начало слепить глаза, и только тогда он заговорил — голос его был хриплым и надтреснутым.

— Тот человек... он сокрушил меня моим же собственным искусством. Моим любимым оружием.

— Оказывается, я вообще не смыслю в битве. А еще грезил о титуле Короля боевых искусств. Глупец.

— И он забрал Цзяна...

Нин Лань отчаянно хотела утешить его, но любые слова казались ей фальшивыми и натянутыми. Да, ты потерял лучшего друга. Но... жизнь продолжается, несмотря ни на что.

— До отплытия остался час, — прошептала она.

Корабль. Мечта, мечущаяся в тумане, словно раненая птица.

Гу Фэй медленно поднялся.

— Пошли. На пристань.

Услышав это, Нин Лань невольно улыбнулась и с силой кивнула:

— Угу!

Огромное судно резало волны, оставляя за собой пенный след. Под крики чаек оно увозило с острова Айлань десять мастеров и их мечты о былой славе.

Хуа Тинфан провожал взглядом отца нынешнего своего тела, ступающего на борт. Он на мгновение изменился в лице. Затем он отвернулся и пошел вглубь острова — нужно было искать следующий объект прохождения.

На корабле Гу Фэй, навалившись на поручни, безучастно смотрел на линию горизонта, гадая, что же связывает Цзян Жуцзина с тем человеком. В этот момент к нему подошел Гу Циньфэн. Его «отец» явно вознамерился устроить небольшую проверку способностей своего непутевого сына.

В душе Гу Фэя по-прежнему царил хаос, но он кивнул. Ему нужно было на что-то отвлечься.

Они вошли в тренировочный зал и встали друг против друга. Гу Циньфэн внимательно оглядел сына и одобрительно хмыкнул:

— А ты неплох.

Гу Фэй промолчал. Мысленно он пытался сопоставить силу Гу Циньфэна с мощью того мужчины, что похитил Цзян Жуцзина.

— Гу Е твердил, что ты безнадежен. Видимо, либо у него глаз замылился, либо ты все это время приbedнялся, — Гу Циньфэн заговорил о семейных делах совершенно буднично, не выказывая ни капли жажды боя.

Гу Фэй ответил равнодушным тоном:

— Не ожидал, что ты тоже пробьешься в следующий этап Битвы двух островов. Я думал, твоё рвение давно растеряно в семейном кругу.

Гу Циньфэн усмехнулся:

— А ты, я гляжу, полон амбиций.

— Биться будем или как? — огрызнулся Гу Фэй. — Если нет, я пошел.

Гу Циньфэн коротко рассмеялся и внезапно атаковал.

В его ладонях материализовались два пистолета. Холодные черные дула нацелились на Гу Фэя, и в ту же секунду сорвался каскад пуль.

Обладая великолепным зрением, Гу Фэй отчетливо видел траекторию каждого выстрела. Внутри вспыхнула насмешка — неужели это все, на что способен отец? Он не собирался уклоняться. По привычке он хотел соткать в руках кинжалы, чтобы отбить пули, но внезапно замер.

"Я ведь ничего не знаю о кинжалах".

"Мое лучшее оружие проиграло так позорно".

"Смогу ли я... смогу ли я снова взять их в руки?"

В последний момент он все же попытался уйти с линии огня, но пуля успела задеть правое плечо, оставив кровавый росчерк.

Гу Циньфэн заметил эту странную заминку. Он нахмурился, и пистолеты в его руках мгновенно развеялись.

— Не в форме?

Гу Фэй опустил голову и уставился на свою правую руку, словно впав в транс. Он смотрел на нее так, будто она была ему чужой.

— Тц, — Гу Циньфэн раздраженно цыкнул. — Сразимся, когда твои мысли вернуться к боевым искусствам.

Он прошел мимо сына и размашистым шагом покинул зал, оставив Гу Фэя в полном одиночестве.

К этому времени Ли Ле уже увез Цзян Жуцзина на другом судне. Они находились в море больше суток.

Ли Ле, нахлобучив на голову дурацкую синюю шапочку, пошатываясь, вышел из каюты. Он крепко прижимал к себе подушку; под глазами залегли темные тени, а взгляд был совершенно осоловелым — его мутило.

Кое-как добравшись до палубы, он увидел Цзян Жуцзина. Тот стоял у борта, неотрывно глядя на морскую гладь.

Ли Ле привалился рядом и плаксиво пролепетал:

— Даоцзунь Жуцзин, меня укачало...

Цзян Жуцзин даже не повернул головы. За последние полтора дня он слышал эту фразу ровно четыреста тридцать пять раз.

Видя, что на него не обращают внимания, Ли Ле решил усилить драму. Он рухнул прямо на палубу, обнимая подушку, и запричитал:

— Ой, помираю! Укачало! Только поцелуй Даоцзуня Жуцзина сможет меня исцелить!

При этом он попытался обхватить ногу Цзяна.

Цзян Жуцзин знал его больше четырех веков, но никогда еще не видел его настолько невыносимым и наглым. Заметив на себе странные взгляды других людей на палубе, он полоснул по ним ледяным взглядом, после чего, помрачнев, процедил:

— Совсем рассудок потерял? Вставай!

Ли Ле едва ли не катался по доскам, изображая смертные муки.

— Не встану! И не проси! Пока Даоцзунь меня не поцелует — не поднимусь!

Цзян Жуцзин едва сдерживал ярость.

— Се... Ли Ле, тебе весело, что ли?

Ли Ле уселся, скрестив ноги. Опершись одной рукой о палубу, он заглянул Цзян Жуцзину в лицо и сияющими глазами посмотрел на него:

— Я же боялся, что тебе будет одиноко смотреть на море. Вот и пришел поиграть с тобой, преодолевая тошноту. Что же ты не рад?

— Хм, — Цзян Жуцзин холодно усмехнулся, и в его взгляде была такая резкость, что она, казалось, могла ранить. — Разве я могу радоваться, глядя на такого, как ты?

— М-да, — Ли Ле задумчиво закатил глаза, а потом кивнул: — И то верно. С нашей встречи ты еще ни разу не одержал надо мной верх. Должно быть, это очень обидно.

Он пожал плечами и злорадно добавил:

— Ты, небось, вне себя от гнева из-за того, как я растоптал уверенность этого Гу Фэя? Он твой ученик? Хи-хи... Раз он твой ученик, мне так и хочется его сломать. Кого бы ты ни вздумал защищать в будущем, я приду и разделаюсь с ними со всеми! Специально, чтобы лишить тебя покоя! Я тебя до белого каления доведу!

— Ты! — от этих слов Цзян Жуцзина затрясло.

Ли Ле, ничуть не смутившись, широко улыбнулся и даже победно качнул головой.

— Ты точно больной! — в сердцах выкрикнул Цзян Жуцзин.

Он резко взмахнул рукавом, и в лицо Ли Ле ударил поток яростного ветра.

Вслед за этим раздался глухой, тошнотворный звук разрываемой плоти.

Ли Ле неспешно опустил руку — пальцы его были сложены, словно лезвие ножа. Он поднялся, отряхнул одежду и, нагнувшись, подобрал упавшую на палубу руку Цзян Жуцзина.

— Верно, верно, — весело закивал он. — У Даоцзуня глаз-алмаз, сразу раскусил, что я больной. Мое почтение, истинное почтение!

Он шагнул вперед. Его божественное чутье мгновенно сковало пытающегося вырваться Цзян Жуцзина. Ли Ле приставил оторванную руку к плечу Даоцзуня, одновременно прокусив ноготь на среднем пальце, и позволил нескольким каплям своей крови упасть на рану.

Цвет белых нитей, окутывавших культу, мгновенно изменился. Золотой и красный цвета смешались, словно тушь, попавшая в воду, и мгновенно пропитали плоть.

— М-м... — Цзян Жуцзин вздрогнул.

В его иссушенные члены внезапно влилась первозданная мощь. Невыносимая боль от гнилостной ауры, что терзала его тело все это время, заметно отступила.

— Ты... зачем? — гнев, вызванный потерей руки, быстро сменился изумлением.

Ли Ле криво усмехнулся:

— Ну скажи, разве я не молодец?

— Обойдусь без твоей притворной доброты... — Цзян Жуцзин отвернулся, не желая принимать эту милость.

Ли Ле лениво отозвался:

— Я ведь больной. И в крови моей — болезнь. Рано или поздно я тебя, старого даоса, в могилу сведу.

Будь у Цзян Жуцзина сейчас в руках меч Даочжэнь, он бы, не раздумывая, проделал в этом человеке десяток лишних дырок.

Он долго молчал, сдерживаясь, и наконец выдавил из себя вопрос.

— Тогда... во время того Грозового бедствия... ты и вправду хотел моей смерти?

<http://bllate.org/book/17530/1703567>